

Концепция религиозно-политического синкретизма: философско-методологический анализ

Т.В. Беспалова

Актуальность темы монографического исследования С.А. Воронцова¹ не вызывает сомнений, поскольку в условиях глобального культурного кризиса, деформирования ценностных оснований бытия человека, разжигания национальной и религиозной розни в политических целях любая конструктивная попытка творческого осмысления данных процессов и феноменов необходима и практически значима для сохранения устойчивого развития современного постсекуляризованного мира. Без всестороннего, целостного анализа спектра взаимоотношений политики и религии весьма сложно определить роль и место религии в выработке модели общественного и государственного устройства в стране со сложными

межэтническими и межконфессиональными отношениями.

Российская действительность, обусловленная трансформацией традиционных, прежде всего духовных, ценностей, обнаруживает скрытые ранее свойства политизации религиозной системы, представленной не только православием, но и другими конфессиями, а также сакрализации политики, «украшающей» себя атрибутами религиозно-нравственного культа и священной ритуальности. В таком контексте авторский философско-правовой анализ особенностей взаимодействия религиозной и политической систем отличается необходимой новизной и оригинальностью.

К научной новизне монографии можно также отнести раскрытие закономерного характера связи религии и политики и их взаимовлияния; концептуальное обоснование проблемы религиозно-политического синкретизма; выявление совпадения методов деятельности религиозных

¹ Воронцов С.А. Взаимодействие политических и религиозных систем: философско-правовой анализ. Монография. Ростов-на-Дону: Донское книжное издательство, 2013. 192 с.

структур с методами деятельности правоохранительных органов², анализ функционального соотношения интегративно-охранительной функции религиозных систем с аналогичными функциями государства, показ форм синкретизации религии и политики, определение перспективы развития взаимодействия политики и религии.

С.А. Воронцов, впервые затронувший тему философско-методологического анализа особенностей взаимодействия политической и религиозной систем в своей диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук³, в рецензируемой монографии органично продолжает последовательное развитие теоретической модели данного взаимодействия на основе творчески преломляемой концепции синкретизма религии и политики в рамках системного и структурно-функционального подходов. Понятие синкретизации как механизма «вписывания» религиозной системы в политический контекст и соответственно политизации религиозных институтов позволяет не только определить границы, но и выйти за пределы их предметного поля с учетом функционального предназначения и дифференциальной специфики.

² См. подробнее: *Воронцов С.А.* Спецслужбы России: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция». Сер. Высшее образование. 3-е изд., доп. и перераб. Ростов-на-Дону: Феникс, 2012. 443 с.

³ См.: *Воронцов С.А.* Особенности взаимодействия политической и религиозной систем (философско-методологический анализ): дис. ... канд. философ. наук. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет, 2000.

В первой главе монографии «Взаимодействие политических и религиозных систем» автор вскрывает природу и сущностные признаки каждой из систем в их социокультурном, ментальном и антропологическом измерениях, одновременно выявляя формы их совместной эволюции, функционирования и трансформации с позиций принципов адаптивности и симбиотичности. Религиозная система предстает в таком случае как иррациональная структура, влияющая на сознание личности и социально-политические нормы поведения антропологических сообществ, освящая или подвергая критике иерархические общественные порядки и типы государственно-правового устройства.

При этом религиозно-политический синкретизм фиксирует адаптацию религиозных элементов к изменяющимся политическим и социальным условиям, в том числе и за счет светских компонентов, о чем свидетельствует обоснованный автором светский правовой принцип взаимоотношений религиозной и политической систем. Характер взаимодействия данных систем зависит от степени их гомогенности или гетерогенности и имеет функциональную заданность, главная задача которой на фоне широкой секуляризации обеспечить государственную и общественную безопасность на основе примата религиозно-нравственных ценностей.

Вторая глава монографии «Особенности взаимоотношений политико-правовых и религиозных институтов» конкретизирует авторскую концепцию религиозно-политического синкретизма и его функциональных особенностей в рамках

взаимосвязи религиозных структур с правоохранительными институтами как компонентами политической системы. Исходя из аналогии задач, решаемых в религиозной и политической деятельности, касающихся ее безопасного осуществления, С.А. Воронцов прослеживает эволюцию взаимоотношений государства и церкви как политико-правовой и этической регламентации и нормативизации.

Особое место в философско-методологическом анализе проблемы занимает советский период эволюции религиозно-политического синкретизма, интерпретируемой С.А. Воронцовым как прямое столкновение религиозной власти с государственной, существенно повлиявшее на устойчивое развитие общественной жизни. Излишняя политизация религиозного воздействия на различные общественные объединения и движения, по мнению С.А. Воронцова, требует прежде всего государственно-правовой оценки и экспертизы, поскольку оппозиционные силы в современной России пытаются прикрыть свои деструктивно-экстремистские цели религиозно-духовными ценностями⁴.

В целом можно констатировать, что авторская концепция религиозно-политического синкретизма вполне достоверна и обоснована, основные ее положения легко усваиваются в ходе чтения, научно-практическая значимость данного теоретического конструкта очевидна.

Очевидно, что, как всякое творческое исследование, данная работа не свободна от недостатков.

Во-первых, следовало бы указать, в какой мере концепция синкретизма может использоваться для обоснования религиозно-политического синкретизма, если у каждой из обозначенных систем (религиозной и политической) разные основания, базирующиеся, соответственно, на принципах абсолютного духовного начала (Бога) и верховной власти.

Во-вторых, авторское суждение по поводу светского правового принципа взаимоотношений политической системы и религии нуждается в научной корректировке, поскольку в США, например, президенты по вере являются, как правило, протестантами, а по национальности — англосаксами.

В-третьих, в первом параграфе второй главы монографии логичнее вести речь об эволюции взаимоотношений государства и церкви, что соответствует содержательной части исследования и делает уместным сравнительный анализ методов обеспечения церковной и государственной безопасности.

Недостатком рецензируемой монографии С.А. Воронцова, с моей точки зрения, является то, что она сущностно и содержательно не связана с двумя исходными основаниями взаимодействия политических и религиозных систем — духовной безопасностью и культурной войной.

В 80-х гг. XX в. вышла в свет книга француза Анри Гобара «Культурная война. Логика разрушения», поражающая своей парадоксальностью: «Культурная война уже началась, без положенного объявления, без барабанов и труб. Война при помощи лживых слов, при помощи обманчивых представлений, при помощи предательских улыбок...

⁴ См. подробнее: Воронцов С.А. Понятие экстремизма и его сущностные признаки // Философия права. 2007. № 4. С. 65–71.

Классическая война целила в сердце, чтобы убивать и покорять, экономическая война целила в живот, чтобы эксплуатировать и обогащаться, культурная война целит в голову, чтобы парализовать, не убивая, чтобы покорить, испортить, и обогатиться за счет разложения культур и народов.

Культурная война употребляет все свободы и злоупотребляет ими, чтобы проникать повсюду и разрушать изнутри все ценности, все различия, все духовные богатства народов...»

Словосочетание «культурная война» действительно необычно, поскольку мы привыкли к мирному, безобидному и облагораживающему значению понятия «культура». Тем горше сознавать, что такое название книги не случайно, ибо Анри Гобар написал ее как предупреждение о деструктивных последствиях американизации французской культуры, защищая тезис о национально-культурной самобытности народов.

Как выяснилось позже, об американизации национальных европейских культур, кроме французов, в то время говорили и итальянцы, и греки, и другие европейцы, успевшие ощутить влияние боевиков, рока, джаза, одинаковых штанов из мятой парусины, «близнецовых» футболок с надписями, представляющими марки автомобилей, шампуней и других товаров, вкус американских сигарет, жевательной резинки, лекарственных средств...

Теперь и на нашу землю с тысячелетней православной культурой надвинулось чудище американизации в виде массового «искусства», утверждающего космополитические

ценности паренька-пастуха (ковбоя с револьвером) XIX в. и бандитов начала XX в., навязываемых через разветвленную систему средств воздействия: газет, журналов, кино, телевидения, радио, литературы и т. д.⁵

Национальные культурные ценности по своей сути самобытны, уникальны и неповторимы по формам выражения. У каждого народа свои обычаи, обряды, праздники; отношение к любви, браку, рождению и воспитанию детей, к другим нациям и этносам; музыкальное, песенное, танцевальное творчество — все то, что характеризует принадлежность человека к определенному целому — национальному образу жизни.

Василий Макарович Шукшин так писал об отечественной культуре: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвел в степень уважения человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть и доброта...»

Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши невероятной тяжести победы, наше страдание — не отдавай всего этого за понох табаку.

Мы умели жить. Помни это. Будь человеком».

Именно такое понимание самобытности позволяет нам сохранить свое собственное национальное самосознание и противостоять единообразию и унификации многоцветной оригинальности русского права, искусства, архитектуры, живописи, музыки, литературы, православия и национального характера.

⁵ См. подробнее: *Верещагин В.Ю.* Лекции по русской культуре. Ростов-на-Дону, 1998. С. 5–7.

Способность любой нации и любого этноса к выживанию и сопротивлению чужим культурным образцам обеспечивается в первую очередь сохранением культурной самобытности. Если мы не поймем этого сегодня, то завтра может быть поздно. Американизация русской культуры преследует одну-единственную цель: духовное подчинение нас как народа и государства⁶.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что любой авторский недостаток легко превращается в достоинство: С.А. Воронцову не составит большого труда провести в будущем философско-методологический (не только философско-правовой) анализ духовной безопасности русского народа. Пожелаем ему успехов, потому что рецензируемая монография, несомненно, будет востребована и читаема.

⁶ См. подробнее: *Беспалова Т.В.* Социокультурная и политическая легитимация патриотизма в конфликтных условиях российского переходного общества. СПб., 2010. С. 3–5; *Беспалова Т.В.* Политический патриотизм. Ростов-на-Дону, 2004. С. 45–48.

Литература

1. *Воронцов С.А.* Спецслужбы России: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция». 3-е изд., доп. и перераб. Ростов-на-Дону: Феникс. Сер. Высшее образование, 2012. 443 с.
2. *Воронцов С.А.* Особенности взаимодействия политической и религиозной систем (философско-методологический анализ): дис. ... канд. филос. наук. Ростовский государственный университет. Ростов-на-Дону, 2000.
3. *Воронцов С.А.* Понятие экстремизма и его существенные признаки // *Философия права.* 2007. № 4.
4. *Верещагин В.Ю.* Лекции по русской культуре. Ростов-на-Дону, 1998.
5. *Беспалова Т.В.* Социокультурная и политическая легитимация патриотизма в конфликтных условиях российского переходного общества. СПб., 2010.
6. *Беспалова Т.В.* Политический патриотизм. Ростов-на-Дону, 2004.